

DOI 10.22455/2541-8297-2018-8-257-284
УДК 821.161.1

На краешке стола (Записки комментатора)

А.Л. Соболев

Аннотация: В статье на основе архивных документов реконструируются биографии четырех лиц, сыгравших разные роли (от мимолетной до значительной) в жизни М.О. Гершензона. Трое из них не только не становились объектом исторического исследования, но и ни разу не упоминались в научной литературе; четвертый, Н.Н. Щекотихин, напротив, широко известен в качестве основоположника белорусского искусствоведения, но не был доньше опознан в качестве юного домочадца семейства Гершензонов-Гольденвейзеров.

Ключевые слова: М.О. Гершензон, К.С. Павлов, Зорька, П. Катасонова, Н.Н. Щекотихин.

Информация об авторе: Александр Львович Соболев, независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: trirodov@gmail.com

Цитирование: *Соболев А.Л.* На краешке стола (Записки комментатора) // Литературный факт. 2018. № 8. С. 257–284.

Метаморфозы и мутации, постигшие жанр классического комментария за два последних десятилетия, обусловлены не только наступлением цифрового века. Необходимость тотального пояснения всех персон и понятий, которые хотя бы теоретически могут оказаться неизвестными потенциальному читателю, ставилась под сомнение уже давно — не в первую очередь потому, что примечания такого рода слишком уж сильно подрывали доверие к своему адресату: «если уж в самом деле, — думалось, — будущий владелец этой книги не знает, что такое чересседельник и кому покровительствует Меркурий, то не стоило ли бы ему сперва закончить среднюю школу». (Учат ли, впрочем, этим необходимейшим вещам в сегодняшней системе народного образования?) С другой стороны, у нас, чьи

познания поневоле деформированы в одних областях и гипертрофированы в других, нет практического способа определить, какие из понятий можно признать общепринятыми, а какие нет. Остроту этих оппозиций сняло появление в обиходе поисковых систем, дав комментатору в руки небезупречный, но, по крайней мере, вполне формальный критерий: грубо говоря, если точное изъяснение предмета находится в *первой выдаче* Яндекса, то в наших услугах этот предмет не нуждается.

Как и всякая нетвердая формула, приведенная выше требует череды оговорок: наш гипотетический читатель не обязан иметь свободный доступ к интернету (вообразим себе юную путешественницу на необитаемом острове, весь багаж которой состоит из свежего номера «Литературного факта», — ужели мы не напомним ей годы жизни Йоханна Висса!), он может не владеть даже примитивным знанием синтаксиса запросов, позволяющим победить спамоподобную омонимию etc, — в любом случае, даже такой однозначный критерий будет лучше беспочвенных надежд на интуицию.

Отдельной проблемой, даже, скорее, целым комплексом проблем оказывается прояснение антропонимов. Понятно, что простая трансляция из общедоступных справочников годов жизни и лапидарных характеристик имярека («советский писатель») в 10-е годы XXI в. отдает анекдотом; с другой стороны, в ряде случаев оставлять упоминаемое лицо вовсе без пояснений кажется неправильным. В своей практике я обычно следую принципу обратной зависимости объемов биографической справки от степени известности ее героя, обходясь одной строчкой (или вовсе ее опускаю), когда приходится говорить о хрестоматийном лице, и стараясь аккумулировать все наличные сведения о редкоспрашиваемой личности.

Особняком здесь стоят случаи, когда речь идет о персонаже, который ни разу не попадал в освещенные области истории и, по всей вероятности, избежит их и впредь. Это сразу значительно поднимает градус ответственности, налагаемой на комментатора, в воле которого, таким образом, оказывается впервые помянуть человека, прочно забытого уже несколько десятилетий, — и, следовательно, казус перестает быть эвристическим, но переносится в чисто этическое поле. При этом историческая наука, поневоле подразумевающая иерархию подведомственных фигур, устроена так, что любое крупное действующее лицо, становясь объектом исследования, бросает отсветы своей славы на бывших своих знакомых, предоставляя им шанс выйти из совершенной безвестности. Комментируя переписку имярека, историк вынужден видеть не только равновеликих

ему (в самосложившихся ранжирах традиции) корреспондентов, но и всматриваться в десятки и сотни людей, с большей или меньшей теснотой составлявших круг его общения — от прислуги до ищущих признания неофитов, от чиновников до бедных родственников. Для большинства из них бывшее знакомство с нашим фондообразователем (иногда мимолетное, а порой многолетнее) — единственный, говоря ненаучно, шанс на бессмертие, что заставляет отнестись к представлению их со всей подобающей моменту обстоятельностью. Поясним сказанное примером: ниже даны краткие биографические справки о некоторых подобного рода лицах. И одной морде.

1.

Тревожный август 1915 г. Гершензоны проводили порознь. Не рискуя по военным условиям ехать в привычную Прибалтику, Мария Борисовна с детьми отправилась в Отрадино (Балашовский уезд Саратовской губернии) — наследное имение Е.Н. Орловой. Сам Гершензон остался в Москве; письмами они обменивались почти ежедневно. 2 августа 1915 г., желая, среди прочего, потешить жену курьезом (она, вообще склонная гипертрофировать обиды, хотя бы мнимые, тяжело переносила жизнь в чужой богатой усадьбе на неясных правах), он рассказывал: «<...> пришло из Тамбова письмо от какого-то господина, который пишет биографию Чехова и просит сообщить ему вкратце, как вообще надо писать биографию, и прилагает марку на ответ»¹.

Простейшим путем к установлению личности корреспондента была бы краткая ревизия тамбовского чеховедения, но увы — ни одной подобной книги там в обозримом прошлом выпущено не было. К счастью, фонд Гершензона описывался по высоким источниковедческим стандартам, так что беглый просмотр описи позволил без труда выявить тамбовского корреспондента. Имя его — Константин Семенович Павлов — ничего мне не говорило, но первым в архивной папке лежало то самое письмо:

Многоуважаемый Михаил Осипович!

Занимаясь с 1912 года изучением жизни и личности Чехова с целью дать в будущем русской публике его биографию — полную, подробную и по возможности исчерпывающую, я позволяю себе обратиться к Вам за некоторыми советами и существенными разъяс-

¹ РГБ. Ф. 746. Карт. 21. Ед. хр. 29. Л. 20.

нениями. Я Вам буду крайне признателен, если Вы мне ответите на следующие вопросы:

1. Какими наиболее подходящими методологическими приемами я должен пользоваться, работая над биографией такого писателя, как Чехов (другими словами, какова должна быть техника писания биографии)?

2. Следует ли вводить в биографию элемент критики, или же нет, так как он может являться авторским произволом?

3. Должен ли быть дан обзор или свод существующей критической литературы о писателе?

4. Уместно ли делать философское, так сказать, обобщение (хотел сказать «осмысливание») той или другой эпохи в жизни писателя?

5. Если нет, то является ли тогда биография как особый творческий род только простою протоколизацией фактов, расположенных в известной хронологической системе?

Еще раз, многоуважаемый Михаил Осипович, буду Вам глубоко благодарен, если удовлетворите моей просьбе².

Гершензон был в обыденной жизни безукоризненно вежлив, так что можно не сомневаться, что ответ был написан и отправлен, — но, судя по всему, в нем был взят несколько саркастический тон: во всяком случае, адресат счел себя обязанным обидеться. Следующее его письмо было написано несколько месяцев спустя и всё сплошь состояло из критики выпущенного Гершензоном сборника «Русские пропилеи»³, причем манера замечаний была почти оскорбительной: «Нужно сказать, что последнее Ваше замечание не делает чести Вашей опытности как библиографа», «Примечание LVII (с. 340) поражает слабостью догадки <...>», «В заключение позвольте обратить еще раз <...> Ваше внимание на грубейшую ошибку, допущенную Вами <...>»⁴ etc.

Неожиданная пылкость Константина Семеновича (вероятно, немало смутившая корреспондента) нашла свое объяснение лишь полгода спустя: он присутствовал на лекции Гершензона «Мудрость Пушкина», прочитанной 16 января 1917 г. в Малом зале Московской Консерватории. Для Гершензона это был первый опыт публичного выступления, так что с ним вместе отправилась внушительная группа поддержки: Шестов, Андрей Белый, С. Булгаков, Г. Шпет, Е. Орлова и другие; после лекции, прошедшей с исключительным

² Письмо от 29 июля 1915 г. (год — по содержанию) // РГБ. Ф. 746. Карт. 40. Ед. хр. 1. Л. 1–3.

³ Русские Пропилеи. Материалы по истории русской мысли и литературы / Собрал и подготовил к печати М. Гершензон. Т. III. М., 1916.

⁴ Недатированное письмо // РГБ. Ф. 746. Карт. 40. Ед. хр. 1. Л. 4–4 об., 5, 5 об.

успехом, они же собрались поздравлять оратора, но между ними подошел представиться и наш герой, оказавшийся семнадцатилетним гимназистом выпускного класса. В октябре того же 1917 г. он напоминал о себе:

16 января сего года Вами была прочитана в Москве, в зале Консерватории лекция «Мудрость Пушкина»; по окончании лекции я имел удовольствие лично познакомиться с Вами и Вы между прочим обещали выслать мне по адресу, который я Вам оставил, оттиск Вашей лекции. Принимая во внимание последовавшие события в нашей государственной и общественной жизни и то обстоятельство, что Вы могли вполне естественно забыть о Вашем обещании, позволяю себе обратиться к Вам уже письменно с вышеизложенной просьбой. Мой адрес: Тамбов, Щепная площадь, 10, Константину Семеновичу Павлову⁵.

Оттиск Гершензон ему отправил, за что Павлов его благодарил и отвечал встречным подарком — номером «литературно-художественного ученического журнала» «Союз молодежи» (вряд ли сознательно соименного альманаху столичных футуристов)⁶. А меньше чем год спустя из Москвы в Тамбов отправилась ответная просьба. Ко второй половине 1918 г. бытовые условия жизни Гершензонов сделались невозможными: не служа в советских учреждениях и, следовательно, не имея пайка, сбережений и опыта житейской увертливости, М.О. оказался перед лицом действительного голода. В это время он пишет несколько отчаянных писем осевшим в провинции друзьям и знакомым⁷ — и одно из них, почти наудачу, отправляет в Тамбов. 16 ноября Павлов отвечает ему:

⁵ Письмо от 30 октября 1917 г. // Там же. Л. 6–6 об.

⁶ Журнал этот, состоящий дезидератой обеих главных библиотек, был единожды зафиксирован библиографией, причем в статусе предположительно существовавшего (Периодика по литературе и искусству за годы революции. 1917–1922 / Сост. К.Д. Муратова. Под ред. С.Д. Балухатого. Л., 1933. С. 242; Муратова ссылается на публикацию в журнале «Грядущая культура» (1918. № 2) и сообщает, что всего вышло пять номеров). Как минимум один экземпляр одного номера уцелел до наших дней, см. ссылку на его содержание в работе: *Слезин А.А.* К характеристике политических настроений молодежи весной 1917 года // Город Тамбов в прошлом, настоящем и будущем. Тамбов, 1996. С. 65. В тамбовской библиотеке, чьи фонды по нашей просьбе обследовала Д.И. Болдырева, экземпляров также не обнаружено.

⁷ Вот взятое наугад: «У меня к Вам просьба большая. Мы буквально голодаем с детьми, в точном смысле этого слова. Уж и не в деньгах дело — просто ничего нет — ни хлеба, ни картофеля, ничего другого. Ежели можно, достаньте чего-нибудь и пришлите мне посылку по почте или с оказией: соленого масла, любой крупы — всего лучше гречневой, но и любой другой, — картофельной муки; и всего другого, что достанете, что бы ни стоило денег. Деньги, конечно, тотчас верну Вам по почте. Ежели есть — консервы мясные или рыбные, табак выше-средний. Вы понимаете, что без величайшей крайности я не писал бы Вам с такой просьбою. Очень прошу Вас, сделайте, что можете, и выручите» (пись-

Как ни понимал я Ваше положение, как ни сильно было мое желание сделать Вам то, о чем Вы пишете в Вашем письме, я вынужден к сожалению написать Вам следующее.

Какие бы то ни было продовольственные почтовые посылки — особенно же с необходимейшими продуктами, мукою, крупой и т.д. — абсолютно не допускаются к принятию. Получить же частное и исключительное разрешение в этом смысле ни в нашем городском, ни в нашем губернском продовольственном отделах мне не удалось⁸.

В этом же письме он делится лаконичными сведениями о себе: закончил гимназию, учится в Тамбовском университете («это нечто “популярное” и меня мало удовлетворяющее»⁹), занимается науками — и работает в Тамбовских Известиях городского совета. Возможно, последнее обстоятельство, свидетельствующее о некоторой, хотя бы иллюзорной, близости к центру местной власти, позволило ему обойти суровые законы, ограничивающие экспорт продовольствия, — и уже десять дней спустя в Москву отправилась спасательная (а то и спасительная) посылка:

Пользуюсь случаем и посылаю Вам малую толику ржи в зерне — сливочного масла найти не удалось; простите, что может быть мало, но боюсь, доедет ли и эта посылка до Вас — даже личный провоз продуктов сопряжен с трудностями¹⁰.

Последующие сведения о Павлове отрывочны. Гершензону он пишет еще несколько раз в 1921 г., рекомендуя С.М. Моносова (в будущем известного историка), восхищаясь многообразием дарований корреспондента, напечатывавшего в Париже книгу «Талмуд и Будда» (что представляет собой чистый фантом), и намереваясь подробнее изучить эпистолярный его диалог с Вяч. Ивановым: «О Переписке из двух углов думаю сделать небольшой реферат в нашем Тамбовском кружке писателей. Ваш тезис о тягости формальной культуры, о духоте и грузе умозрений, гипотез, нравственных законов etc, Вы — кажется — настойчиво провидите с 1916 года»¹¹. Вероятно, в конце 1920-х годов он перебрался из Тамбова в Среднюю Азию: выявлены

мо к В.Е. Чешихину-Ветринскому от 7 ноября 1918 г. // РГАЛИ. Ф. 553. Оп. 1. Ед. хр. 375. Л. 12–12 об.).

⁸ РГБ. Ф. 746. Карт. 40. Ед. хр. 1. Л. 10.

⁹ РГБ. Ф. 746. Карт. 40. Ед. хр. 1. Л. 11 об.

¹⁰ Письмо от 28 ноября 1918 г. // Там же. Л. 12.

¹¹ Письмо от 19 октября 1921 г. // Там же. Л. 15 об.

несколько его публикаций в казахских журналах на экономические темы¹². 16 июля 1937 г. он был арестован в Алма-Ате, 3 октября того же года приговорен к высшей мере наказания и вскоре после этого расстрелян¹³.

2.

В кругу московского общения Гершензона 1890-х гг. одно из главных мест принадлежит семейству Щепкиных. Глава семьи, Митрофан Павлович — педагог и экономист, профессор Петровской академии, теоретик, практик и энтузиаст общественного управления, гласный Московской думы, просветитель и переводчик. Либеральные воззрения приятно сочетались в нем с практической сметкой (он много лет служил директором Купеческого банка) и классическим московским хлебосольством; Гершензону он благоволил и старался (в меру ершистости реципиента) благодетельствовать. У Щепкина было двое сыновей — Митрофан Митрофанович и Дмитрий Митрофанович; оба изучали практические аспекты земледельчества. В 1902 г. Щепкины подарили Гершензону собаку — щенка черного шотландского сеттера. Презент этот носил до известной степени формальный характер: М.О. снимал в Москве комнату от жильцов, так что животное до времени оставалось в щепкинской деревне (Большое Алексеевское Коломенского уезда Московской губернии). Ситуация переменилась осенью того же года, когда Гершензон по приглашению О.Б. Гольдовского и Р.М. Хин (оба заслуживают подробного рассказа) поселяется в их имении Катино недалеко от Лихославля Тверской губернии. Среди доводов, которые убеждают его на несколько месяцев удалиться в совершенную глушь, есть и такой: «Между прочим, я перевезу туда ту прелестную собаку, которую подарили мне Щепк<ины> и которая теперь у них в деревне»¹⁴. Из-за череды возникших препон прибытие собаки отложилось, и она оказалась в Катино только в начале февраля, когда Гершензон, побывав в Москве, захватил ее с собою. Не исключено, что отсрочка была отчасти связана и с матерью Гершензона, жившей с ним в деревне:

¹² Павлов К. Казахстан на путях самосознания // Народное хозяйство Казахстана. 1930. № 7/8. С. 52–77; Поднек А., Павлов К. Казахстан в системе народного хозяйства СССР. Алма-Ата, 1930; Павлов К., Сарымұлдаев К. Новая пятилетка промышленности Казахстана // Пути индустриализации. 1930. № 7/8. С. 90–109; Павлов К.С. Очередные задачи народного хозяйства Казахстана // Народное хозяйство Казахстана. 1930. № 5/6. С. 5–17 и др.

¹³ По данным картотеки «Мемориала».

¹⁴ Письмо Гершензона к брату от 23 сентября 1902 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 19. Ед. хр. 15. Л. 17.

обладая властным и неуживчивым нравом, она могла быть предубеждена против появления в доме животного. Но эти опасения если и имели место, то были развеяны:

Вчера мы переселились обратно в большой флигель; я устроился в двух небольших комнатах чрезвычайно уютно, да тут и тепло; а мамаша в большой комнате (таково расположение), где свежо, и где она спит на диване — он широчайший, хотя я и не вижу никаких препятствий вставить сюда же ее кровать, но так как это и наша столовая, то мамаша не хочет. В общем, все-таки квартира очень удобна для нас обоих, только кухня много хуже той; я совершенно отделен от хозяйства. Много воздуха и, когда есть солнце, оно весь день в окнах. У ног моих собака, большая, черно-глянцевитая с коричневыми пятнами, с большими мягкими ушами, такая красавица, такая ласковая и чистая, что и мамаша совсем влюблена в нее; по породе сеттер-гордон¹⁵.

Первые дни совместной жизни были посвящены попыткам дрессировки, быстро, впрочем, сошедшим на нет по мягкосердечию собаководы: «Что у меня за собака — прелесть! Вчера я больно бил ее для науки, и вот сегодня она в столовой боится меня (там я ее учил), а у меня в комнате — нет, и по-прежнему всё лезет целоваться в губы. Больше не буду бить: ужасно жалко было смотреть, как она потом была печальна»¹⁶. В письмах к брату и невестке регулярно повторяются однообразные новости деревенской жизни со стабильным рефреном: «Собака — мое главное развлечение; она со мной неразлучна»¹⁷. В апреле собаке (которую называли Зорькой) сопутствовал и светский успех: Гершензон ездил в соседнее имение, где вместо обычных для себя мизантропических тягот вдруг сделался, благодаря четвероногой спутнице, героем дня: «Зорька всех привела в восторг своей красотой; барышни наперебой поили ее молоком, кормили куличом и пр.»¹⁸. В мае он забрал ее с собой в Москву.

¹⁵ Письмо Гершензона к брату от 13 февраля 1903 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 19. Ед. хр. 17. Л. 23.

¹⁶ Недатированное (середина февраля 1903 г.) письмо Гершензона к брату // Там же. Л. 28.

¹⁷ Недатированное (конец февраля 1903 г.) письмо Гершензона к брату // Там же. Л. 36 об.

¹⁸ Письмо Гершензона к родным от 12 апреля 1903 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 19. Ед. хр. 19. Л. 14.



М.О. Гершензон и Зорька. 1900-е. РГБ

На лето Гершензон обычно уезжал к родным в Одессу, оставляя свое небогатое имущество (состоящее по большей части из ящиков с книгами на пяти языках) кому-нибудь из знакомых, а осенью искал себе новую комнату. В 1903 г., отправляясь на юг, собаку он отдал Щепкиным, но по возвращении, подыскивая себе жилье, брал в расчет, что она будет жить с ним. Таким образом, первые из меблированных комнат, в которые он вселился в октябре, ему не подошли, и в конце месяца пришлось переезжать, — но по новому адресу (меблированные комнаты Е.В. Азанчевского, Большая Кисловка) к собакам относились лояльно:

Я не писал вам, что Зорька уже у меня — кажется, со вторника; возни с ней порядочно — раза три в день водить гулять, и пр.; ей дают здесь из кухни суп и кости два раза в день, за что буду платить 1 р. в месяц¹⁹.

¹⁹ Письмо Гершензона к родным от 1 ноября 1903 г. // РГБ. Ф. 746. Карг. 19. Ед. хр. 18. Л. 25.

Впрочем, вскоре пришлось переезжать и оттуда, но уже по сторонним причинам:

Так как оказалось, что той комнаты, которую я именно нанял у Азанчевского, я не получу — жилец не съезжает и не съедет, то пришлось искать, потому что та, в которой я пока жил, была и неуютна, и холодна. Комната на этот раз нашлась легко — в том самом доме, где раньше жила Орлова, в другой квартире. Комната небольшая, но уютная, плачу 18 руб. и 12 за обед; люди, кажется, славные (муж, жена, две девочки-гимназистки и мальчик), комната отдельная, так что тихо. Сегодня переехал и уже обедал (в 3 часа) — очень недурно. Тепло и сухо, на солнечную сторону. Против Зорьки ничего не имеют²⁰.

Вскоре хозяйская толерантность сменилась благосклонностью: «Зорька у хозяев в фаворе, ей здесь хорошо — сытно и не скучно»²¹.

Гершензон, охотно и много передвигавшийся по Москве пешком, взял привычку брать собаку с собой по всем своим городским маршрутам — к переплетчику, в библиотеку за книгами, в типографию и т.д.; в одном из писем к родным он описывает их обыденную жизнь:

Зорька благоденствует и ведет себя благонаравно, за что я ее кормлю сахаром. Спит часов 20 в сутки, а когда не спит и не ест, то лежит навзничь, вытянув вверх одну лапу палкою, и имеет глупый вид; а когда беру ее с собою в город, то сначала безумствует от восторга, а потом чинно плетется за мною. На улице беспрестанно обращает на себя внимание своей красотою²².

Однажды он упоминал покупку цепочки (игравшей роль поводка), но по большей части, кажется, собака просто шла с ним рядом, что однажды чуть не закончилось плачевно: «Вчера пропала было Зорька, но через полчаса прибежала домой; усталая, испуганная (потеряла меня на улице); я очень волновался»²³.

Когда весной 1904 г. Гершензон и М.Б. Гольденвейзер отправляются в поездку, заменившую им свадебное путешествие, Зорька остается в Москве, но ненадолго: ее собирается привезти к ним в Гун-

²⁰ Письмо Гершензона к родным от 15 ноября 1903 г. // Там же. Л. 33.

²¹ Письмо Гершензона к родным от 19 ноября 1903 г. // Там же. Л. 36.

²² Письмо Гершензона к родным от 15 января 1904 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 19. Ед. хр. 21. Л. 4 об.

²³ Письмо Гершензона к родным от 16 декабря 1903 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 19. Ед. хр. 18. Л. 49.

генбург Е. Орлова. Не стесненная в средствах, путешествующая со штатом помощников и перевозящая целую группу воспитанников на летние вакации, она готова была захватить в своем примечательном багаже еще и собаку, к которой, тем более, была неравнодушна²⁴. Логистически это была не слишком простая задача: так, в поездах «Международного общества спальных вагонов» перевозка собак не только обходилась в 20 % стоимости от человеческого билета, но и требовала дополнительных ухищрений, среди которых — согласие всех соседей по купе, наличие специальной корзины, ограничение по весу и письменное разрешение дежурного контролера²⁵.

В первые месяцы по возвращении Гершензоны поселились в подмосковном Подольске, что для обоих означало утрату привычного круга общения: «Да и вообще, у нас близких людей здесь — одна собака, Зорька. Нет, близка Орлова, это правда, а больше никто»²⁶. Со временем она почти перестает упоминаться в письмах — за исключением тех, что Гершензон адресует своему юному племяннику:

Зорька здравствует, и как настала весна, всё спит и почти ничего не ест. Сегодня Орлова берет ее с собою в Клин — развлечься (это 2 ½ ч. по жел. дор. и там 3 версты). Спит теперь Зорька ночью из-за жары не на подушке, а на голом полу (это я пишу не вам, а Сашке), спит в столовой, но ночью приходит ко мне, стуча когтями по полу, и со вздохом укладывается под моим столом, и я слышу, как она перед этим минуты две кружится вокруг самой себя, пока ляжет. Спит она тихо, мне не мешает; но утром только я задвигаюсь, она тут как тут, сует морду мне в самое лицо, пока прогоню. А как начну одеваться, она сидит против меня на задних лапах и терпеливо ждет своей очереди, чтобы я ее приласкал; но я, полу-одевшись, иду в детскую посмотреть, как они себя ведут, — и Зорька стоит в дверях детской (она знает, что ей туда строго воспрещен вход) и иногда тихонько повизгивает. Наконец, я выйду, приласкаю ее, поиграю минуту, и она успокаивается, и потом уже весь день не обращает на меня никакого внимания; днем она влюблена в кухарку, Мару-

²⁴ Это обстоятельство вошло в семейные предания: «Когда мой папа женился, у него была собака сеттер-гордон Зорька. Лили с ней постоянно возилась. Папа сердился, когда она начинала целовать Зорьку, говорил о том, что от собак можно заразиться эхинококком. Лили продолжала свое и, лаская Зорьку, только приговаривала: “Эхинококк ты этакий!”» (*Гершензон-Чегодаева Н.М.* Первые шаги жизненного пути (воспоминания дочери Михаила Гершензона). М., 2000. С. 90).

²⁵ Правила для начальников поездов или бригад и для ресевееров. СПб., 1911. С. 156–157.

²⁶ Письмо Гершензона к брату от 16 ноября 1904 г. // РГБ. Ф. 746. Карг. 19. Ед. кр. 23. Л. 18.

сю и Елиз. Ник. Почему у нее образовалась эта привычка утренней молитвы — неизвестно²⁷.

Последние сведения о ней относятся к весне 1907 г.: вероятно, она убежала из дома 24 или 25 апреля. 2 мая Гершензон уехал в Санкт-Петербург, днем позже М.Б. сообщала ему: «В середине <sic> еще происшествие: утром получила открытку, — приглашают явиться смотреть собаку на Воронцово поле. Я не знала, где это. Отыскала на плане и отправила на конке Дашу. Она проездила очень долго, а нашла там пестрого водолаза вместо Зорьки. Напрасно ты не написал в объявлении, что она черная»²⁸. Розыски продолжались больше месяца — еще 14 июня Гершензон писал Орловой: «Был вчера поблизости Моск<овского> Л<истка>, не утерпел, сдал опять объявление о Зорьке, подробное и с посулом 10 руб.»²⁹.

Больше в переписке собака не упоминается; вероятно, она так и не нашлась. С тех пор Гершензоны себе домашних животных не заводили — только щегла, о котором будет отдельный рассказ.

3.

Жизненные стандарты образованного класса начала XX г. были бесконечно далеки от сегодняшних: когда Гершензон с молодой женой подыскивали себе первую совместную квартиру, рассматривались варианты, насчитывающие не менее четырех комнат — кабинет для главы семьи, спальня, гостиная и комната для прислуги. Наличие последней было совершенной константой: все бытовые потребности, от уборки и стирки до приготовления обеда, безусловно были делегированы обслуживающему персоналу. Следование этому канону наталкивалось и на материальные затруднения (Гершензон никогда не служил, не имел ренты и вынужден был обеспечивать собственную мать, а в ранние годы и других родственников), и на психологические: разночинцы по происхождению и по духу, Гершензоны с трудом могли найти нужный тон в обращении с прислугой, что много лет служило причиной несильных, но постоянных огорчений. В 1910 г., гостя в Одессе в семье брата, М.О. с плохо скрываемой завистью пишет об особенном даре его жены: «<...>

²⁷ Письмо Гершензона к родным от 16 апреля 1906 г. // РГБ. Ф. 746. Карг. 20. Ед. хр. 4. Л. 8 об.

²⁸ Письмо от 3–4 мая 1907 г. // РГБ. Ф. 746. Карг. 24. Ед. хр. 26. Л. 37–38 об. Объявление печаталось в газете «Московский листок» и звучало так: «ПРОПАЛА собака, сеттер-гордон. Доставивший получит вознаграждение. Остоженка, Штатный пер., д. Краморев, кв. 11» (Московский листок. 1907. № 95, 26 апр. С. 3).

²⁹ РГБ. Ф. 746. Карг. 26. Ед. хр. 31. Л. 36.

у Беллы есть решительный талант обращаться с прислугой — какая-то легкая простота и ясность, без прощупывания вас и пожалуиста; делают всё охотно и бодро, и полдюжины бывших прислуг остались друзьями, Беллою же поставлены к знакомым на места и пр.»³⁰. За двадцать лет семейной жизни у Гершензонов перебивало в качестве кухарок, прачек, нянь и помощниц по хозяйству полтора десятка лиц; о большинстве из них мы в лучшем случае знаем имя и несколько подробностей: кто-то запомнился их дочери (мемуаристке с цепкой памятью и ясным умом), иные заслужили несколько строк в семейной переписке, — но большая их часть прошла практически бесследно, поневоле утратив свой единственный шанс сделаться героем именного указателя (бумажного эквивалента Ноева ковчега). Среди немногих счастливых исключений — Прасковья Катасонова, кормилица старшего сына Гершензонов Сережи, будущего украинского генетика.

Необходимость в кормилице сделалась очевидной через несколько дней после его рождения; 2 февраля Гершензон писал матери и брату:

Всё ждал, чтобы выяснилось: есть у Маруси молоко, или нету. Сегодня пятые сутки со времени родов, а молока мало; к ночи набирается, а днем ребенок голоден; да к тому же он большой, так что ему много надо. Будь Маруся менее напугана, отлично бы она могла его кормить и прикармливать Гиппиусом; а так боюсь и хочу непременно взять кормилицу, чего и она сама хочет³¹.

Под Гиппиусом подразумевается здесь аппарат для пастеризации молока в домашних условиях, изобретенный одноименным доктором: благодаря брату, детскому врачу, энтузиасту современных гигиенических стандартов, молодой отец был прекрасно осведомлен о технических новинках в этой области. Понятная нервозность роженицы усугублялась свежестью горестных воспоминаний: меньше чем за год до этого Гершензоны потеряли своего первенца Шушку, скоростижно скончавшегося от туберкулезного менингита. Несколько дней спустя, после выписки матери и ребенка из лечебницы, Гершензоны отправились за кормилицей: «Конечно, всё будет сделано, как принято, — с врачебным осмотром, с исследованием молока и т.д.»³².

³⁰ Письмо М.О. Гершензона к М.Б. Гершензон от 28–29 мая 1910 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 21. Ед. хр. 19. Л. 20.

³¹ Письмо от 2 февраля 1906 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 20. Ед. хр. 1. Л. 15.

³² Приписка Гершензона к письму М.Б. Гершензон к родным мужа от 17 февраля 1906 г. // Там же. Л. 26 об.

Эта сторона российского быта принадлежит к числу мало и плохо описанных, между тем некоторые архаические ее черты обладают особенной трагической выразительностью. Кормилицами становились, как правило, матери незаконнорожденных детей, поневоле вынужденные с ними разлучиться: ребенок отправлялся на искусственное вскармливание в воспитательный дом, а сами они — в специально организованные «Приюты кормилиц и грудных детей», где их ангажировали нуждающиеся в прикорме семьи³³. Писатель Н. Лейкин, сделавшийся однажды свидетелем этой процедуры, писал Чехову:

Ах и посмотрелся же я, как в приюте для кормилиц выбирают кормилиц! Чисто рынок невольниц <...> Приезжающие с бабками и с докторами родители рассматривают кормилиц, как коров или лошадей. Смотрят в зубы, нажимают груди, выбирают тех, кто постатнее, бедра щупают³⁴.

Корреспондент отвечал ему с привычной рассудительностью:

Вы возмущаетесь осмотром кормилиц... <...> Если Вы побойтесь оскорбить щупаньем кормилицу и возьмете ее не щупая, то она угостит Вас таким товарцем, который бледнеет перед гнилыми апельсинами, трихинными окороками и ядовитыми колбасами³⁵.

Сопоставимо описывает сцену выбора В.Ф. Джунковский, будущий московский губернатор:

Узнав, что кормилицу можно нанять на Надеждинской, где имелся приют, я поехал туда. Оказалось, там 8 кормилиц на выбор. Мне их всех показали, выстроили, предложили мне выбрать. Я совсем смутился, мне стали говорить о молочности, предложили осмотреть их более внимательно. Но я отказался от таких подробностей и попросил заведующую назначить мне ту, которая, по ее мнению, здоровее других. Кормилица оказалась очень хорошей, молочной, мой выбор — удачным³⁶.

³³ Лучше прочего описаны судьба и быт кормилиц, нанмававшихся к младенцам императорской крови (см.: *Зимин И.* Врачи двора Его Императорского Величества, или Как лечили царскую семью. М.; СПб., 2016. С. 250–260).

³⁴ Цит. по: *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем. Письма. Т. 1. М., 1974. С. 374 (коммент. Л.М. Фриджеса).

³⁵ Письмо Чехова Н.А. Лейкину от 27 июня 1884 г. // Там же. С. 117.

³⁶ *Джунковский В.Ф.* Воспоминания (1865–1904). М., 2016. С. 204.

Мы не знаем в точности, каким из способов выбора кормилицы воспользовались Гершензоны, но к концу второй декады февраля она была найдена:

Дорогие мои, третьего дня мы взяли кормилицу. Как я ни старалась есть и пить больше, молоко у меня не прибавилось, и пришлось, как это ни тяжело, взять женщину. Не знаю, как будем дальше, но пока она кажется вполне подходящей: молодая, симпатичная, чистая и, как говорит доктор, здоровая и с хорошим молоком. Она деревенская, без городских привычек прислуги, ловкая и к ребенку ласковая³⁷.

Из следующих писем выясняются некоторые подробности, в частности, стало известно, что она замужем, муж ее в солдатах, ребенок — незаконнорожденный. Судьба последнего поневоле заботила совестливых Гершензонов, но, увидев его, они отчасти избавились от опасений — несмотря на искусственное вскармливание выглядел он лучше своего молочного брата: «Ребенок у кормилицы незаконный; первые дни было мученье, а потом, когда его принесли и мы увидели, что он вдвое больше и здоровее нашего (хотя и гораздо моложе) и отлично чувствует себя на рожке, легче стало; он теперь в деревне»³⁸. В последующие месяцы сведения о Паше (как ее звали в семье) регулярно появляются на периферии гершензоновской переписки — вплоть до осени, когда вокруг нее возникает предчувствие волнений. Дело в том, что ее мужу-солдату был обещан отпуск, что несло в себе потенциальную тревогу сразу по нескольким пунктам. Объясняя собственной матери, почему ее (во всем прочем долгожданный) приезд придется отложить, Гершензон подробно излагал могущие возникнуть затруднения:

Вчера кормилица получила письмо от своего мужа (он солдатом в Варшаве), что он приедет в отпуск, может быть, 15 сентября. 15 сент. — первая очередь отпусков, и он думает, что его отпустят в первую очередь в виду опасной службы, которую он несет уже год. Он будет жить, конечно, у нас, в темной комнате. Вот главное препятствие. Мы знали, что он приедет, но не знали, когда именно. Отпуск дают, кажется, на месяц. Мы боимся его приезда: что, если он увезет жену в деревню или она тут же забеременеет. Вообще, это настоящее рабство, тем более, что мы не можем не дорожить ею: она здоровая, веселая и хороша к ребенку. И вот, я боюсь всего, что

³⁷ Приписка М. Б. Гершензон к письму Гершензона матери и брату от 20 февраля 1906 г. // РГБ. Ф. 746. Карг. 20. Ед. хр. 1. Л. 30 об.

³⁸ Письмо Гершензона к родным от 26 февраля 1906 г. // Там же. Л. 33 об.

может испортить в этом большом пункте. Например, теперь она спит в детской, а с Вашим приездом в детской будет спать Маруся, значит кормилица перейдет в темную комнату (детская — крошечная, там нет места для второй кровати) — но как допустить ее спать в одной комнате с мужем? Совестно об этом говорить, но ведь это важно, и в этой области уже много было огорчений и тревог по поводу дворников и пр. Не говорю уже о ее капризах и обидчивости. А те препятствия, о которых Вы пишете, — пустяки. Прислуга о нас, конечно, всё знает — хотя бы от дворника, который прописывал наши паспорта. <...> Я написал Вам только в общем, а подробности, повторяю, многочисленны. Она знает, что я еврей, но в доме это не видно; а если муж, приехав, увидит, как Вы готовите отдельно, и т.п., кто знает, как он отнесется к тому, что она служит у «жидов»? Он теперь этого не знает: письма от нее пишет Маруся, он знает только № квартиры. И т.д., двадцать вещей³⁹.

Этот свод опасений представляется чрезвычайно любопытным не только для центрального нашего сюжета, но и для характеристики обычаев и нравов. Получается, что для пришедшего в отпуск солдата главным нравственным препятствием ожидается не то, что жена прижила без него ребенка, а то, что она находится в услужении у евреев, причем состоящих в гражданском браке (по причинам конфессионального характера М.О. и М.Б. узаконили свои отношения только в 1914 г.). Сопоставимо неожиданным, впрочем, выглядит и забота нанимателя о том, чтобы не допустить уединения кормилицы с законным мужем. Однако пока эти приготовления не понадобились, поскольку приезд солдата отложился на неопределенный срок:

Ее муж пока не приехал и вовсе замолчал. Он просил ее прислать ему немного денег на дорогу, но она называет его «постылым» и не только денег не послала, но и не отвечала ему на последнее письмо. Теперь неизвестно: либо он на этих днях приедет, если отпущен в первой очереди, либо сердится на нее. А она тут влюбилась в одного денщика во дворе, потом денщик, кончивший службу, уехал и она скучала, и пр. — и всё это за какие-нибудь три недели. У нее в деревне двухлетний мальчик, мы ей предлагаем выписать его сюда, но муж написал, что, когда приедет, сам решит это, а она не хочет взять мальчика сюда, потому что она думает только о веселой жизни, а он ее свяжет. Словом, сложно и весьма нелепо⁴⁰.

³⁹ Письмо Гершензона матери от 5 сентября 1906 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 20. Ед. хр. 2. Л. 37–37 об.

⁴⁰ Письмо Гершензона родным от 16 сентября 1906 г. // Там же. Л. 47–47 об.

В результате он не приехал вовсе, а вскоре после этого иссякла и нужда в кормилице, поскольку тем временем подросший ребенок полностью перешел на обычную пищу. В начале 1907 г. Паша, остававшаяся у Гершензонов на правах обычной прислуги, уехала к себе в деревню, обещая вскоре вернуться. Оттуда она написала письмо, спрашивая разрешения приехать с ребенком, но в этом ей было отказано («Паша спрашивает, возьмем ли мы ее с мальчиком, Маруся ответила ей, что нет — тесно»⁴¹); вскоре на смену ей поступила другая няня, семнадцатилетняя девушка. В ноябре того же года Паша ненадолго вернулась — и тут произошла давно ожидавшаяся ее встреча с демобилизованным мужем:

<...> я уже не застал здесь Паши, бывшей нашей кормилицы: ее муж приехал, кончив военную службу, и увез ее в деревню. Он нашел ее беременною, и Маруся рассказывает много интересного об их встрече. Благородство и нежность мужа удивительны; вообще Маруся говорит, что это необыкновенный человек. А Паша — настоящая Кармен: держала себя смело и свободно, и уехали они дружные⁴².

История на этом не заканчивается.

В начале 1909 г. Гершензон должен был съездить на один день в усадьбу В.Г. Черткова — друга, издателя и последователя Толстого. В это время М.О. готовил к публикации книгу писем А. Эртеля, куда среди прочего была включена и его переписка с Чертковым; последний хотел самостоятельно процenzуровать ее, чтобы исключить места, неудобные в печати. Вернувшись, Гершензон писал родным:

У Черткова я пробыл 1 ½ дня. Было очень интересно. Чертков очень богат; выстроил он в 2 верстах от Ясной Поляны дом в 32 комнаты и живет единственно для толстовской пропаганды. Более мягкого, сердечного человека я не видел, и все там мягкие, сердечные люди. Дом полон всяких людей, толстовцев; никто не курит, едят вегетарианское, говорят друг другу «ты», едят все (и прислуга, и кучера и пр.) вместе, на клеенке, без салфеток, деревянными ложками⁴³.

Впечатление от коммуны Черткова (основу благосостояния которой, впрочем, составляли наследный капитал и обширные латифундии основоположника) было настолько значительным, что именно

⁴¹ Письмо Гершензона родным от 21 февраля 1907 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 20. Ед. хр. 5. Л. 29.

⁴² Письмо Гершензона родным от 25 декабря 1907 г. // РГБ. Ф. 746. Карт. 20. Ед. хр. 7. Л. 40–40 об.

⁴³ Письмо Гершензона к родным от 8 января 1909 г. // *Гершензон М.О. Письма к брату. Избранные места / Вступ. статья и примеч. М.А. Цявловского. М., 1927. С. 171.*

к нему Гершензон решил обратиться два месяца спустя по почти личному вопросу:

У меня есть к Вам просьба, Владимир Григорьевич. Три года назад служила у нас молодая женщина, крестьянка Тульской губ. Она прожила у нас больше года, пока муж вернулся из военной службы и взял ее; ни до нас, ни после нас она нигде не служила и вообще не жила в городе. На днях мы получили от нее письмо, что у нее сразу один за другим умерли и муж, и ребенок; она просит, нельзя ли найти ей службу. Было бы очень жаль, если бы она попала в Москву, и потому я подумал: не нужна ли Вам или в Ясной Поляне служанка. Ей и ближе к Вам — она живет неподалеку от Вашего уезда. Она умная, расторопная и чудесного характера — всегда бодрая, ясная, добрая; ей, я думаю, лет 25. Если бы оказалось возможным устроить ее, дайте мне знать, — я ее извещу. Это было бы истинно благое дело. Она молода, красива, детски-доверчива — и вдова: долго ли в Москве погибнуть?⁴⁴

Гигантская корреспонденция дома Чертковых была налажена так же основательно, как и всё в этом доме: письма диктовались секретарю (или секретарям), которые почему-то, вопреки обычаю, писали о работодателе в третьем лице: ответ на процитированное выше послание заканчивается так:

Для той женщины, о которой Вы говорите в конце своего письма, он <т.е. Чертков>, к своему сожалению, сделать ничего не может, так как не только не имеет для нее лишнего дела, но имеет теперь у себя лишних людей. То же самое, насколько ему известно, у Толстых⁴⁵.

Впрочем, далее следовало:

Анна Константиновна решила сделать всё возможное для указанной Вами женщины. Сейчас у ней нет никого на примете, которому была бы нужна прислуга, но она поговорит по поводу ее с некоторыми своими знакомыми. Сообщите, пожалуйста, имя, фамилию и адрес той женщины, для какой деятельности она пригодна, что умеет делать и каким жалованием удовлетворится⁴⁶.

На следующий день свое письмо диктовала и упомянутая Анна Константиновна, жена Черткова:

⁴⁴ Письмо Гершензона к В.Г. Черткову от 8 марта 1909 г. // РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 799. Л. 3–3 об. Письмо самой Паши, на которое ссылается Гершензон, нам неизвестно.

⁴⁵ Письмо В.Г. Черткова к Гершензону от 14 марта 1909 г. // РГБ. Ф. 746. Карг. 43. Ед. хр. 31. Л. 33.

⁴⁶ Там же. Л. 33 об.

Многоуважаемый.

Прошу Вас, напишите мне подробности об этой женщине, которую Вы рекомендуете, какую работу она у Вас исполняла и что вообще она умеет делать, а также ее имя и адрес.

Владимир Григорьевич после болезни в первый раз выехал, навестить Льва Николаевича, который всё еще не может ходить, но сам Вл. Г. далеко не поправился, да и трудно поправиться, когда вместо отдыха такая масса дел, забот и неприятностей, сопряженных с этим насильственным выездом. Предполагает он выехать 31-го марта, вероятно не останавливаясь нигде, прямо в Петерб., а мы пока остаемся на месте. Итак, буду ждать Вашего письма.

С искренним приветом

Анна Черткова

P.S. Шлю привет Марье Васильевне <sic> и девочкам⁴⁷.

Заметим, как много можно сказать о человеке по короткому письму: оно не содержит обращения (хотя они были неплохо знакомы и последний раз виделись два месяца назад), жену Гершензона звали Марией Борисовной, а не Васильевной, а под девочками, адресатами приветов, подразумевались сын и дочь Гершензонов. Впрочем, это не смутило адресата, отвечавшего:

Я очень благодарен Анне Константиновне за желание помочь той женщине. Почтовый адрес такой:

Ст. Теплое, Тульской губ., в село Покровское, в лавку Ив. Никол. Рыбникова для Прасковьи Катасоновой. Жалованьем она удовольствуется наверное минимальным, может делать всякую женскую работу, отлично убирает, готовить не умеет, работает скоро и весело и по природе изящна (что называется, интеллигентна), т.е. чутка и деликатна. <...>

P. S. Я сегодня напишу Катасоновой, на случай, если Анна Конст. обратится к ней, чтобы она была предупреждена⁴⁸.

Дальнейшая судьба Кармен-кормилицы нам неизвестна: в документах исполинского архива Чертковых она не значится, Гершензонам она не писала, в летописях Ясной Поляны ее тоже нет.

⁴⁷ Письмо А.К. Чертковой к Гершензону от 15 марта 1909 г. // РГБ. Ф. 746. Карг. 43. Ед. хр. 32. Л. 1.

⁴⁸ Письмо Гершензона к В.Г. Черткову от 17 марта 1909 г. // РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 1. Ед. хр. 799. Л. 5.

4.

В обширной и хорошо сохранившейся переписке Гершензонов выделяется корпус недатированных (по преимуществу) записок, относящихся к 1900–1901 гг., когда жившие по соседству в Трубниковском переулке корреспонденты обменивались посланиями, не прибегая к услугам почты: обычно они передавались с прислугой или просто заносились по пути в отсутствие адресата. По лаконичному стилю они больше всего напоминают сегодняшние sms, что предопределяет значительные проблемы в датировке и комментировании. Одно из них, с несохранившейся, но устанавливаемой по контексту датой (2 февраля 1901 г.), заканчивается фразой: «Щелкните от меня Кси в ямочку на затылке»⁴⁹.

Как комментатор я люблю густонаселенные тексты, но изобилие подлежащих истолкованию лиц всегда подразумевает значительное количество безнадежных случаев, к которым на первый взгляд относится и этот. В самом деле, в других письмах этого корпуса таинственный Кси не упоминается ни разу, а по этой краткой кличке нельзя даже понять, о существовании какого биологического вида идет речь. Как обычно бывает в делах подобного рода, помог случай: делая свод стихотворений Гершензона, распыленных по материалам фонда, я включил туда среди прочего и следующий шуточный текст:

Утро. Чай. В саду так мило,
Воздух так прозрачен.
Михалаки пьет уныло,
Михалаки мрачен.

Полдень. Тучами покрыто
Небо. Ветер дует.
Коля хмурится сердито,
Коля негодует.

Вечер. Солнце закатилось,
Кси-пси резво скачет.
Тетя Зина оскорбилась,
Тетя Зина плачет⁵⁰.

⁴⁹ Письмо М.О. Гершензона к М.Б. Гольденвейзер // РГБ. Ф. 746. Карг. 24. Ед. хр. 13. Л. 1.

⁵⁰ РГБ. Ф. 746. Карг. 19. Ед. хр. 5. Л. 2 об.

Отправляя его (вместе с еще одним стихотворением) матери и брату 3 августа 1900 г., Гершензон приписал небольшой автокомментарий:

А для второго стихотв<орения> надо вам знать, что Коля прозвал меня «Михалаки», и так всё время зовет. Сам он часто дуется, а тетя Зина — это одна из их теток, очень глупая, ужасно обидчивая и плаксивая. Написаны эти стихи на манер тех, которые ежедневно печатаются в Моск<овском> Листке. <...> Кси-пси — это прелестный 4-х летний мальчик (Коля), сын другой тетки. Это мы его так прозвали⁵¹.

Упомянутый первым Коля — это Николай Борисович Гольденвейзер, ближайший друг Гершензона, его товарищ по университету и брат его будущей жены. (Кстати сказать, данное им Гершензону прозвище «Михалаки» прижилось и использовалось в узком семейном кругу еще долгие годы.) Тетя Зина, столь нелестно охарактеризованная, — Зинаида Петровна Щекотихина, сестра матери Гольденвейзеров. Выразительный ее портрет содержится в воспоминаниях племянника, будущего знаменитого советского музыканта А.Б. Гольденвейзера:

Она окончила в Москве Александро-Мариинский институт. По окончании его, одно время жила у нас в Кишиневе. Но вскоре судьба ее забросила в маленький городок Орловской губернии — Ливны, где она и прожила всю жизнь учительницей приготовительного класса местной женской гимназии. Получала она всего 25 рублей в месяц и кое-как ухитрялась сводить концы с концами (кажется, она слегка подрабатывала грошовыми частными уроками). На все праздники и лето она постоянно приезжала к нам. У нас она и другие тетки жили, разумеется, на всем готовом, не неся никаких расходов. К чести тети Зины надо сказать, что, несмотря на ее крайне скудные средства, она никогда не попросила ни у моих родителей, ни позже у меня с братом ни копейки денег. Тетя Зина была некрасива и неуклюжа. Она была от природы чрезвычайно ограничена, но одарена фантазией — постоянно мечтала, бредила Египтом, хотя знания ее по истории Египта ограничивались, кажется, романом Эберса «Дочь египетского царя». Она верила в метемпсихозу и уверяла, что была в прежней жизни дочерью египетского фараона. Замужем тетя Зина никогда не была. В характере ее было много типичных нелепостей и чудачеств старой девы. Она была необычайно обидчива, но по природе очень добра. Мы все относились к ней с некоторой иронией, но любили ее⁵².

⁵¹ Там же. Л. 1 об., 2 об.

⁵² *Гольденвейзер А.Б.* Воспоминания. М., 2009. С. 28–29.

Там же описана и вторая тетка — собственно, мать четырехлетнего Коли-Кси:

Младшая из сестер, Лидия Петровна, училась в женской классической гимназии Фишер в Москве, по окончании которой получила место учительницы в Орловской гимназии. В Орле она и прожила несколько лет вместе со своей матерью, Александрой Васильевной — моей бабушкой. Жили они там до самой смерти бабушки, после чего тетя Лидия переехала в Москву и служила в разных учреждениях. В молодые годы тетя Лидия заболела психическим расстройством и несколько месяцев лечилась в психиатрической клинике в Москве. У нее был впоследствии (уже в Москве) несчастный роман, в результате которого родился сын Коля, талантливый юноша, но очень беспутный. В качестве искусствоведа он работал в разных городах России. В годы гражданской войны и голода тетя Лидия с сыном попали в Харьков; оба заболели там сыпным тифом. Когда Коля выздоровел и вышел из больницы, матери он нигде не нашел — очевидно, она умерла в больнице⁵³.

Этот беспутный талантливый Коля несколько раз упоминается на страницах воспоминаний дочери Гершензонов, Натальи Михайловны — в частности, именно он подарил уже упомянутого выше щегла,



жившего в их доме в 1910-е гг.: «<...> щегла как-то принес нам в подарок изредка приходивший мамин кузен — гимназист Коля Щекотихин (когда он приходил, меня почему-то неизменно спрашивали, знаю ли я, кто это; я прекрасно знала, но молчала и, смущаясь, смотрела вниз)»⁵⁴. Между тем ни Гольденвейзер, ни Чегодаева-Гершензон не упоминают о его (наверняка им известной) дальнейшей — и весьма незаурядной — судьбе.

Н.Н. Щекотихин. 1930-е (?).

Частное собрание

Николай Николаевич Щекотихин (он приобретет известность под слегка измененной фамилией «Щекатихин»), сын инженера (действительно, рано оставившего семью), окончил с отличием

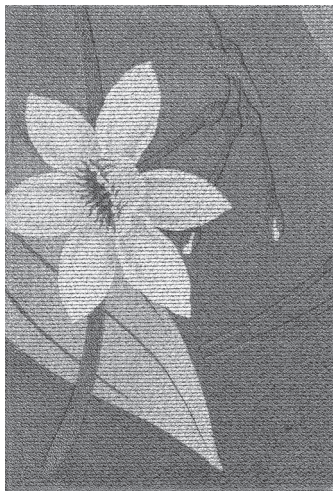
⁵³ Там же. С. 29.

⁵⁴ Гершензон-Чегодаева Н.М. Первые шаги жизненного пути. С. 38.

в 1914 г. московскую гимназию Флерова и сделался поэтом. Он входил в малоизвестный литературный кружок, оставшийся в летописях одним-единственным печатным сборником «Дворец мечтаний» и несколькими публичными выступлениями. Вышедший в 1915 г. альманах (персональный состав которого мы по умолчанию полагаем тождественным со списком участников кружка) составлен из стихов М. Свентицкой, В. Байкина, Н. Щекатихина, Е. Павловой, И. Руссена, С. Баркова, А. Загряжского и Л. Гринева. Часть из его вкладчиков впоследствии приобрела минимальную известность (хотя и не по поэтической линии), об иных по сей день сведений не обнаружено. Щекатихин поместил в нем шесть стихотворений, объединенных общим (небезосновательным) заглавием «Изысканное»: в практическом смысле они представляют запоздавший оммаж российскому декадентству:

Череп танцуют легкий танец
 На полянке, где гелиотроп.
 Я скажу: «Люблю я твой румянец»... —
 И тихонько поцелую в лоб.

И скажу еще: «Спокойной ночи...
 Посмотри, у лунного серпа
 Сон твой охраняют в полуночи
 Мелодичной пляской черепа⁵⁵.



Этими шестью стихотворениями исчерпывалось бы его известное раннее поэтическое наследие (прославился он, как вскоре окажется известно, в другой области), если бы не помог случай: на одном из московских аукционов в 2018 г. был выставлен рукописный сборник «Щекатихин Н. Браслет экстазов», атрибуция и приобретение которого позволили расширить корпус его стихотворений в несколько раз.

*Переплет рукописной книги
 Н.Н. Щекотихина «Браслет экстазов».
 Собрание А. Л. Соболева.*

⁵⁵ Дворец мечтаний. Кружок поэтов. М., 1915. С. 28.

Среди его товарищей по сборнику — Екатерина Васильевна Павлова (поместившая четыре стихотворения под собственным именем⁵⁶) и ее брат, актер Александринского театра, Николай Васильевич Павлов⁵⁷ (вероятно, именно ему принадлежит псевдоним «Принц Утомленный»⁵⁸). Они — дети харьковского инженера путей сообщения В.Н. Павлова и крымской помещицы А.Н. Брачер, в 1903 г. построивших дачу в Коктебеле недалеко от Волошина. Так география в очередной раз повлияла на поэзию: оба они (особенно Е.В.) входили в близкий волошинский круг — и, вероятно, воспользовавшись знакомством с ними, в 1916 г. в Коктебель прибыл и наш герой.

В местных преданиях и ученых штудиях довольно долгое время ему была суждена роль подпоручика Киж: дело в том, что этим годом датировано юмористическое величание Ходасевича одной из гостей волошинского дома, Юлии Оболенской:

В тебе соединились все качества, отличающие каждого из нас в отдельности. Талантливая, как Щекотихин; начитанная, как Вислоухов, изящная, как Марат-в-ванне, деятельная, как Юра Гусиная Лапа; проворная, как Пудель, задумчивая, как Зайцепес, отважная, как Капар; стройная, как Мария Павловна; красноречивая, как Бабушка Синопли; воспитанная, как г-жа Княжевич; обольстительная, как Джафар; кокетливая, как Елена Юрченко, — ты, тринадцатая, объединившая нас, — была, можно сказать, маленьким Мюром и Мерилизом Добродетелей⁵⁹ etc.

Сама Оболенская двадцать лет спустя сделала к этому тексту пояснения, в которых отказала Щекотихину (на тот момент вполне здравствующему) в онтологическом статусе:

⁵⁶ См. о ней: Павлова Е. Из киммерийской тетради. Стихи 1914–1920-х годов. Предисл. и публ. М. Ширмановой. Сост. Е. Калло // Крымский альбом. Сост., вступ. заметки к разделам и публикациям Д. Лосева. Феодосия — Москва, 1998. С. 184–187.

⁵⁷ См. о нем: Ширманова М. Память о былом. Воронеж. 2010. С. 21–22.

⁵⁸ Ср. единственное, кажется, воспоминание о публичном выступлении «Принца»: «На трибуне “Принц Утомленный”. Его настоящая фамилия так и угадала в неизвестности. Он высокого роста, в черном костюме и “обворожительно изыскан”. Блестящие черные волосы с пробритой полоской пробора, бледное напудренное лицо и подведенные глаза изобличают в нем этакого бердслеевского “Пьеро”. Это типичнейший выразитель тогдашних декадентско-эстетских настроений. Стихи его заурядны, и студенческая аудитория заливается смехом, награждая поэта ироническими репликами» (*Богородский Ф.* Воспоминания художника. М., 1959. С. 87).

⁵⁹ Цит. по: Ходасевич В. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. М., 1997. С. 630 (коммент. И.П. Андреевой, Н.А. Богомолова, И.А. Бочаровой). Тогда же Ходасевич в Москве давал отчет о своем недавнем знакомце: «Гершензоны меня расспрашивали о Щекотихине, нашем друге. Они его крепко не любят. Мне же пришлось за него вступаться: все-таки почти двойник» (письмо к М.А. Волошину от 19 октября 1916 г. // Там же. С. 407).

Щекотихин } личности, вымышленные Ходасевичем.
 Вислоухов }
 Марат в ванне — старушка-певица в Коктебеле.
 Юра — Гусиная Лапа — молодой человек, грек.
 Пудель и Зайцепес — вымышленные демонические существа⁶⁰.

Только в новейшее время личность его была (хотя и только отчасти) опознана: в превосходной летописи жизни и творчества Волошина значится приезд студента Н. Щекотихина из Москвы и отъезд его в Москву⁶¹. В именном указателе он значится как «Щекотихин Николай Николаевич (1896–?), студент ИМУ, поэт».

В этом году он действительно был студентом Московского университета: поступив в 1914 г. на историко-филологический факультет, год спустя он перевелся на естественное отделение физико-математического, а в 1917 г. вернулся обратно на историко-филологический⁶². В 1918 г. в московской «Альционе» он издал небольшую книгу, посвященную швейцарскому графику Феликсу Валлотону⁶³. В том же году поступил в Московский отдел охраны памятников искусства и старины. В 1919 перебрался в Орел, на родину матери, где работал в музее при губернском отделе народного образования. Преподавал в местном политотделе военного округа. В 1920 г. оказался в Харькове, где состоял научным сотрудником в местном музее. В декабре 1921 г. Щекотихин переехал в Минск, где началась его академическая карьера.

Сухие, хотя и впечатляющие строки, фиксирующие его восхождение по научной лестнице (1921 — ассистент преподавателя; 1922 — преподаватель; 1924 — доцент; 1927 — ученый секретарь института по изучению искусства) вряд ли могут передать исключительное значение его фигуры для истории белорусского искусствоведения. Задуманная им пятитомная «История искусства Белоруссии» должна была стать исчерпывающим сводом знаний о предмете, но

⁶⁰ Там же. С. 630. Дело здесь явно в ошибке памяти; известен документ, подписанный тремя фамилиями: «Шлем привет. Спешим. Н. Щекотихин, П. Вислоухов. Ю. Оболенская» (недатированная открытка Оболенской Волошину. Цит. по: *Волошин М.* Собрание сочинений. Т. 10. М., 2011. С. 523, коммент. А.В. Лаврова). Трудно отделаться от мысли, что нам еще предстоит встреча с П. Вислоуховым.

⁶¹ *Купченко В.П.* Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества. 1877–1916. СПб., 2002. С. 406, 407.

⁶² Здесь и далее мы излагаем конспект его биографии, объединяя данные из двух посвященных ему фундаментальных трудов: *Ліс А.* Мікола Шчакаціхін. Хараства непазнанай зямлі. Мінск, 1968; Матэрыялы да 100-годдзя з дня нараджэння Міколы Шчакаціхіна. 1896–1940. Мінск, 1996. В частности, сведения об учебе извлечены из помещенного в сборнике 1996 г. факсимиле университетской справки 1936 г.

⁶³ *Щекотихин Н.* Феликс Валлотон. М., <1918>.

написана она так и не была. В 1930 г. он был арестован, осужден на пять лет и выслан в башкирский Белебей, где работал счетоводом в горпо, а позже — учителем русского языка (его жена вспоминала, что после вступительной лекции ученики-десятиклассники устроили ему овацию: так непохоже было его выступление на всё, что им приходилось до этого слышать). В 1937 г. он был арестован повторно; хотя и удалось достаточно быстро добиться освобождения, но здоровье его было безнадежно подорвано — и в 1940 г. он умер.

Литература

- Волошин М.* Собрание сочинений. Т. 10. М.: Эллис Лак. 2011. 830 с.
- Гершензон М.О.* Письма к брату. Избранные места / Вступ. ст. и примеч. М.А. Цявловского. М.: М. и С. Сабашниковы, 1927. 231 с.
- Гершензон-Чегодаева Н.М.* Первые шаги жизненного пути (воспоминания дочери Михаила Гершензона). М.: Захаров, 2000. 285 с.
- Гольденвейзер А.Б.* Воспоминания. М.: Дека-ВС, 2009. 560 с.
- Джунковский В.Ф.* Воспоминания (1865–1904). М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2016. 815 с.
- Зимин И.* Врачи двора Его Императорского Величества, или Как лечили царскую семью. М.: Центрполиграф; СПб.: Русская тройка, 2016. 894 с.
- Купченко В.П.* Труды и дни Максимилиана Волошина: Летопись жизни и творчества. 1877–1916. СПб.: Алетейя, 2002. 494 с.
- Ліс А.* Мікола Шчакаціхін. Харакство непазнанай зямлі. Мінск: Навука і тэхніка, 1968. 164 с.
- Матэрыялы да 100-годдзя з дня наражэння Міколы Шчакаціхіна. 1896–1940. Мінск: Друк. «Юніпол», 1996. 118 с.
- Павлова Е.* Из киммерийской тетради. Стихи 1914–1920-х годов / Предисл. и публ. М. Ширмановой; сост. Е. Калло // Крымский альбом / Сост., вступ. заметки к разделам и публикациям Д. Лосева. Феодосия – М.: Издательский дом «Коктебель», 1998. С. 184–187.
- Слезин А.А.* К характеристике политических настроений молодежи весной 1917 года // Город Тамбов в прошлом, настоящем и будущем. Тамбов: Изд.-полигр. Центр Тамбовского государственного университета, 1996. С. 65–67.
- Ходасевич В.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. М.: Согласие, 1997. 740 с.
- Ширманова М.* Память о былом. Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2010. 156 с.

References

Dzhunkovskii V.F. *Vospominaniia (1865–1904)* [Memoirs (1865–1904)]. Moscow, Sabashnikov Publ., 2016. 815 p. (In Russ.)

Gershenzon M.O. *Pis'ma k bratu. Izbrannye mesta* [Letters to the brother. Excerpta], intro. and comment. by M.A. Tsyavlovsky. Moscow, M. and S. Sabashnikov Publ., 1927. 231 p. (In Russ.)

Gershenzon-Chegodava N.M. *Pervye shagi zhiznennogo puti (vospominaniia docheri Mikhaila Gershenzona)* [First steps on the life path (memoirs of Mikhail Gershenzon's daughter)]. Moscow, Zakharov Publ., 2000. 285 p. (In Russ.)

Gol'denveizer A.B. *Vospominaniia* [Memoirs]. Moscow, Deko-VS Publ., 2009. 560 p. (In Russ.)

Khodasevich V. *Sobranie sochinenii: V 4 t. T. 4* [Collected works in 4 vols. Vol. 4]. Moscow, Soglasie Publ., 1997. 740 p. (In Russ.)

Kupchenko V.P. *Trudy i dni Maksimiliana Voloshina: Letopis' zhizni i tvorchestva. 1877–1916* [Maximilian Voloshin's life and work. Chronicle. 1877–1916]. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2002. 494 p. (In Russ.)

Lis A. *Mikola Shchakatsikhin. Kharastvo nepaznanai ziamli*. Minsk, Navuka i tekhnika Publ., 1968. 164 p.

Materyialy da 100-goddzia z dnia narazhennia Mikoly Shchakatsikhina. 1896–1940. Minsk, Iunipol Publ., 1996. 118 p.

Pavlova E. Iz kimmeriiskoi tetradi. Stikhi 1914–1920-kh godov [From the Cimmerian notebook. Poems of 1914–1920], intro. by M. Shirmanova, comp by E. Kallo. *Krymskii al'bom* [Crimean album], comp., introd. notes by D. Losev. Feodosia, Moscow, Koktebel Publ., 1998, pp. 184–187. (In Russ.)

Shirmanova M. *Pamiat' o bylom* [The memory of the past]. Voronezh: Center for Spiritual Revival of the Black Earth Region Publ., 2010. 156 p. (In Russ.)

Slezin A.A. K kharakteristike politicheskikh nastroenii molodezhi vesnoi 1917 goda [On the characterization of political moods of youth in the spring of 1917]. *Gorod Tambov v proshlom, nastoiashchem i budushchem* [Tambov in the past, present and future]. Tambov, Tambov State University Publ., 1996, pp. 65–67. (In Russ.)

Voloshin M. *Sobranie sochinenii. T. 10* [Collected works. Vol. 10]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2011. 830 p. (In Russ.)

Zimin I. *Vrachi dvora Ego Imperatorskogo Velichestva, ili Kak lechili tsarskuiu sem'iu* [Doctors of His Imperial Majesty Court or How the royal family was treated]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., St. Petersburg, Russkaia troika Publ., 2016. 894 p. (In Russ.)

On the edge of the table (Notes of the researcher)

Alexander L. Sobolev

Abstract: In the article biographies of four persons who played different roles (varying from inconsequential to significant) in M.O. Gershenzon's life are reconstructed on the basis of archival documents. Three of them never became objects of historical research and were never mentioned in scientific literature; by contrast, the last one, N.N. Shechekotikhin, is widely recognized as the pioneer of Belarusian art history, but was never identified as a young member of Gershenzon-Goldenweiser family.

Keywords: M.O. Gershenzon, K.S. Pavlov, Zorka, P. Katasonova, N.N. Shechekotikhin.

Information about the author: Alexander L. Sobolev, independent researcher, Moscow, Russia. E-mail: trirodov@gmail.com

Citation: Sobolev Alexander L. On the edge of the table (Notes of the researcher). *Literary fact*, 2018, no. 8, pp. 257–284.